

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 45–61.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 45–61.

Научная статья / Original article

УДК 93/94

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-45-61

РОССИЯ И «ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ»

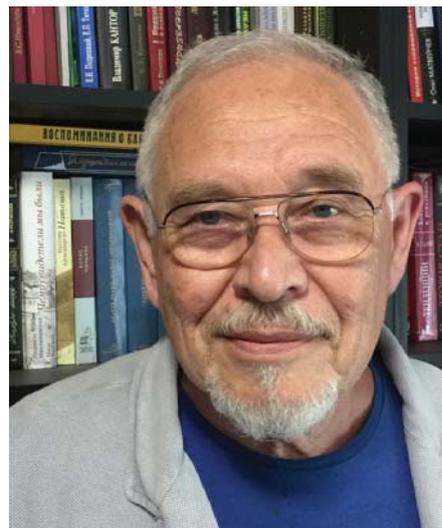
Владимир Прохорович Булдаков

Институт российской истории

Российской академии наук,

Москва, Россия,

kuroneko@list.ru

Аннотация. Автор показывает истоки противоречий в сегодняшнем восприятии личности Петра Великого. Они в значительной степени связаны с противоречивостью самой личности первого российского императора: радикального западника, внедрявшего свои идеи российскими феодально-крепостническими методами. Модернизаторские успехи Петра сегодня кажутся несомненными. На деле они оказались преходящими. Это, естественно, не согласуется с неистребимой общественной потребностью в «славном прошлом». Тем не менее современная Россия остается именно петровской со всеми ее достижениями и неудачами.

Ключевые слова: Россия, Санкт-Петербург, Петр I, реформы

Ссылка для цитирования: Булдаков В. П. Россия и «Петра творенье» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 45–61. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-45-61>.

© Булдаков В. П., 2022

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

RUSSIA AND “PETER’S CREATION”

Vladimir P. Buldakov

The Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, kuroneko@list.ru

 Abstract. The author shows the origins of contradictions in today's perception of the personality of Peter the Great. They are largely connected with the inconsistency of the very personality of the first Russian emperor: a radical Westerner who implemented his ideas using Russian feudal methods. Peter's modernization successes seem undeniable today. In fact, they turned out to be transient. This, of course, is not consistent with the ineradicable social need for a “glorious past”. Nevertheless, modern Russia remains precisely Peter's Russia, with all its achievements and failures.

 Keywords: Russia, St. Petersburg, Peter I, reforms

 For citation: Buldakov, V.P. (2022) ‘Russia and “Peter’s Creation”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 45–61. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-45-61.

Юбилей Петра I — воистину Великого! — отмечались, однако, не часто. Через сто лет о нем не могла не вспомнить Екатерина II: если первый российский император «в Европу прорубил окно», то ей приличествовало объявить, что Россия «есть европейская держава». Символом таковой стал «Медный всадник», живым воплощением — «град Петров». Образ внушительный, хотя, как показал не в меру проницательный Пушкин, отнюдь не однозначный: всадник топтал «людишек», а город периодически «тонул».

Еще через сто лет Александр II постарался убедить, что его «освободительные» реформы — продолжение дела, начатого Петром I. Конечно, возникали сомнения. Однако зачем они, если образ царя-реформатора благодаря выдающимся французским просветителям — от Ф. Вольтера до Д. Дидро, а также российским историкам — от Н. Карамзина до С. Соловьева — становился монументально хрестоматийным?

«Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным, — заметил в свое время проницательный В. О. Ключевский. — Между тем надобно изобразить его самим собою...» [Ключевский, 1968. с. 326]. Но смог ли он проделать это сам? Сравнивая лекции выдающегося историка с его же дневниками, можно заключить, что порой он словно уговаривал себя держаться поближе к сложившимся канонам. Преодолеть притяжение «обаяния империи» и державной мощи крайне трудно.

Петр I, вольно или невольно, попал в завихрения большого исторического времени, неожиданно для себя встав в ряд символов эпохи Просвещения. В глазах Запада самым своим существованием он как бы подтверждал: новые ценности настолько несомненны, что их адептом стал неотесанный, но страстный властитель громадной «варварской» страны. В общем, Петр оказался востребован не только в «отсталой» России, но и в «просвещенной» Европе. Появление его бюста во Французской академии наук символично. Существует версия, что в результате визита в Академию за представленную карту Каспийского моря 22 декабря 1717 года Петр был избран ее членом [Мезин, 1999. с. 29].

Однако в советское время о трехсотлетию Петра I словно забыли. Да и зачем вспоминать великого реформатора, когда его империя, будучи перелицованной, впала в подобие допетровской спячки, а Санкт-Петербург стал Ленинградом и впечатляюще захирел под коммунистическим саваном?

Так *что* и почему мы отмечаем сегодня? Как нам видятся деяния Петра? И различимы ли они вообще через 350 лет после его появления на свет? Наконец, что из его противоречивого наследия мы выбираем?

Лично у меня в школьные годы образ Петра I почти не вызывал эмоций: он был таким, каким ему *положено* было быть. Даже глухие напоминания о «избыточной» жестокости Петра и непреложный факт сыноубийства не впечатляли. Считают же некоторые историки, что «Петр не отличался какой-то особой кровожадностью»: лишь однажды «он указал запороть до смерти двух упорствующих старообрядцев» [Анисимов, 2010, с. 67]. И даже факты собственноручного усекновения им голов упрямых стрельцов казались обычными для того времени явлениями. Больше запомнилось, что Петр самолично резал купеческие бороды, вводил налоги на дубовые гробы. Неслучайно позднее даже Ключевский недоумевал: «Перерождение умов посредством штанов и кафтанов. Мистика» [Ключевский, 1968, с. 392]. В общем, Петр оставался именно тем героем, без которого наша история осталась бы недостаточно выразительной, не совсем полной и даже не вполне объяснимой.

Положение менялось по мере того, как я становился историком, причем «плохим» историком — представителем того самого профессионального мень-

шинства, которое постоянно лезет с «лишними» вопросами и высказывается «невпопад». Тогда и вспомнилась посмертная маска Петра: чудовищный сгусток жестокости и боли. Со временем добавилось еще одно впечатление: одна знакомая — работница музея (какого не скажу) — попыталась примерить камзол Петра — ей, девице вовсе не крупной, он оказался узок в плечах. В общем, со знакомым образом стало что-то «не то».

Конечно, я не был оригинален. Очень соблазнительно представить Петра обычным реформатором, успешно воплотившим в жизнь продуманную систему преобразований. На деле всё было с точностью наоборот: его дела — это серия спонтанных и противоречивых экспериментов. За ними стояло настоящее буйство эмоций, движимое желанием вырвать Россию даже не из «отсталости», а из «застойной» предопределенности. А поэтому образ Петра остается амбивалентным, причем *таинственно* амбивалентным, а сообщество историков, подобно своему герою, кидается из стороны в сторону: эмоции противятся монументализации пугающе захватывающей фигуры. Петр многолик настолько, что в обыденное сознание не хочет уместаться.

Казалось, для допетровской России привычнее и предпочтительнее был эволюционный путь, намеченный выдающимися западниками — А. Л. Ординым-Нащокиным и В. В. Голицыным. Петр I мог стать продолжателем дела своего отца Алексея Михайловича — правителя неспешного, но не чуждого новациям. Однако вмешался «случай», направивший события в «революционное» русло. Несовершенство российской системы престолонаследия, допускавшее правление нескольких малолетних царей, не могло не вызвать серии кризисов власти. В результате юному царю пришлось силой вырывать «шапку Мономаха» из враждебных рук. Поначалу он не думал о грандиозных преобразованиях — образования не хватало. Просто от занудливого старорусского школярства его не могло не потянуть к «немецким» наукам.

Впрочем, всё это скорее домыслы, которыми и без того полна старая и новая российская и западная историография. Даже событие, которое, вероятно, оказало решающее влияние на характер будущего самодержца, описывалось по-разному. Одни мемуаристы, а вслед за ними историки, утверждали, что в апреле 1682 года десятилетний Петр хладнокровно наблюдал, как взбунтовавшиеся стрельцы поднимали на алебарды Матвеева и сторонников Нарышкиных [Ключевский, 1989, с. 9], другие, напротив, отмечали, что он истошно ревел, прижимаясь к матери [Лиштенан, 2021, с. 17]. Но что творилось *внутри* публично униженного престолонаследника? Такой яркий исследователь, как Е. В. Анисимов, пришел к заключению, что после этого Петр люто возненави-

дел Москву, реформы «стали в какой-то мере актом мести своему несчастному прошлому» [Анисимов, 2017, с. 38–39].

Семнадцатилетним юношей Петру, формально остававшемуся царем, пришлось пережить еще одно потрясение: поспешно бежать от всё тех же злонамеренных стрельцов. Однако из тогдашней ситуации он смог выйти победителем. Тем не менее, как считает Анисимов, поселившиеся внутри него страх, месть и ненависть «распространились не только на Софью, бояр, стрельцов, Москву, но и на всю Россию» [там же, с. 39]. И потому до конца жизни он опасался покушений на свое *отвоеванное* самодержавие. Со временем пришлось думать и о том, как передать его в неприкосновенности, чтобы дело его жизни было продолжено.

Петр считается радикальным западником. Но как он им стал: под влиянием московских иноземцев — Ф. Лефорта, П. Гордона и иже с ними? С. М. Соловьев считал, что Лефорт «был полным и блестящим представителем людей, населяющих Немецкую слободу <...>, это был человек бывалый, необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастер устраивать пиры на славу» [Соловьев, 1962, с. 468–469]. В общем, это был вдохновляющий антипод тогдашнему «скучному» москвитю. Мог ли любознательный юноша устоять перед обаянием «западной» раскованности? Вместе с тем некоторые исследователи отмечают, что «кальвинист» Лефорт скорее приспособил свои привычки «французского дебошана» к разгульной натуре Петра [Лиштенау, 2021, с. 110–111]. А может быть, иноземцы нуждались в «понятливом» царе?

До 24 лет Петр предавался пьянству и потехам. В 1697 году 25-летний царь увидел наконец Западную Европу. Появилась причина «одуматься».

Похоже, «окно в Европу» стало объективно необходимым, однако «прорубить» его едва ли было возможно без потрясения боярских мозгов. Вероятно, в связи с этим и возникла в начале 1890-х годов идея «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора» — цинично-издевательской пародии на тогдашнюю церковную иерархию. Другое объяснение трудно придумать — разумеется, если пытаться всякий раз придавать импульсивным поступкам Петра логическую последовательность и рациональные замыслы. Характерно, что при этом царь уважал традиционную православную обрядность: в праздники даже становился на клиросе в ряды певчих [Ключевский, 1989, с. 39].

С другой стороны, бешеная энергия Петра не могла не принять «вакхического» воплощения. Между прочим, это резонировало и с европейской, и с византийской карнавальными традициями, а равно и с народной смеховой культурой, отличаясь лишь «русским» размахом и словесным похабством.

Интересно, что это публичное безобразие было продумано до мелочей; был даже изобретен сложный избирательный ритуал и особая субординация, согласно которой сам Петр формально подчинился «князь-папе» или «патриарху». «Оригинальность» состояла и в количестве непременно поглощаемого спиртного, да в степени насыщения действия матерной лексикой. Ключевский писал, что при князь-папе был конклав 12 кардиналов, «отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов, носивших прозвища, которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати» [там же, с. 36–37]. Выдающийся историк не угадал: цензурные перегородки не устояли перед людской склонностью к запретному.

Примечательно, что Петр имел обыкновение предаваться подобию «демократического» самоуничтожения: на всешутейшем соборе император все-российский имел скромный, но выразительный чин: «протодьякон Пахом пихайхуй Михайлов». Его соратники также были снабжены фаллически идентификационными кличками [Усенко, 2005, с. 61–67]. В соборных ритуалах участвовали и женщины: «князь-игуменья», «архиигуменьи», «игуменьи» и «диакониссы». Об их прозвищах историки умалчивают.

Характерно, что тот же Петр настоял на создании «Юности честного зерцала» — собрания наставлений для юношества, словно намеренно противостоящих безобразиям всепьянейшего собора. Книга преподавала основы вежливости, приличного поведения, описывала этикет, убеждала в необходимости изучения иностранных языков, фехтования и даже танцев. Назывались и основные добродетели: приветливость, смирение и учтивость [Лиштенан, 2021, с. 314]. Ни одной из них сам Петр не обладал, очевидно, считая себя выше этических предписаний для подданных. Самодержец к тому же должен быть «неповторим». Впрочем, нравственно упорядочить общество следовало в любом случае. Судя по тексту «Зерцала», к тому времени девиантным поведением оказались затронуты и женщины: имели обыкновение петь «блудные песни», а то и приставать к кавалерам [Анисимов, 2017, с. 49]. Сдерживая тогдашний «феминизм», в личной жизни Петр словно поощрял его своими беспорядочными связями, не говоря уже о вступлении в брак с наложницей своих подчиненных — простолюдинкой Мартой Скавронской, будущей императрицей.

Но против чего бунтовал, чего добивался царь? «Древнерусское мирозерцание: не трогай существующего порядка, ни физического, ни политического, не изучай его, а только поучайся им, как делом Божиим» [Ключевский, 1968, с. 365], — как-то заметил Ключевский. Похоже, Петр понимал, на что он поднимал руку. Отсюда «смелость отчаяния».

Относительно смысла петровского «собора» исследователи спорят. Этому занятию можно предаваться до бесконечности, если только не предположить, что за «странным» феноменом таилось вызывающее мальчишество, призванное — сознательно ли, стихийно ли — сплотить единомышленников, способных потрясти вековой застой. В этой связи уместно допустить, что другими деяниями Петра также управляла необузданная юношеская энергетика. Совершенно не случайно она принесла не только выдающиеся военные победы, но и закономерные поражения во внутренней политике и особенно в области просвещения.

Конечно, Петр стремился к морю и морям, этот геополитический императив слишком очевиден. Следовало прежде всего сокрушить своего главного противника — Швецию. Победа под Полтавой в 1709 году стала апофеозом его военных достижений. На ее фоне забывается унижающее поражение от турок в 1711 году. Петр «проглотил» его, отказавшись от замысла пленения Карла XII (что необычайно повысило бы его престиж в Европе) и согласившись на сдачу с таким трудом завоеванного ранее Азова. Примечательно, что Петр не только смог «откупиться» от турок, используя неформальные подношения, но и ухитрился с помощью пропаганды минимизировать последствия своего поражения. И эта «виртуальная» победа также внесла крупный вклад в исторические достижения России. Несчастливая прутская баталия «превратилась в незначительный эпизод, который едва ли замедлил ход Истории, ведущей Россию к славному будущему» [Лиштенан, 2021, с. 253–254].

Первые попытки улучшить имидж России относятся еще к правлению Алексея Михайловича. Однако они поблекли в связи с шокировавшим Запад делом несостоявшегося Алексея II — злосчастного сына Петра. Конечно, пропагандистские усилия были призваны противостоять очернению Московии со стороны «непонятливых» соседей. Как бы то ни было, первый российский император взялся сам формировать память о своем правлении, сохраняя при этом некоторую долю таинственности. И потому западные авторы, пытаясь ответить на вопрос, заслужил ли первый российский император титул «Великий», готовы утверждать: «...Он присвоил его себе сам, так же, как сам сумел создать миф о своем правлении, единственно истинный» [там же, с. 250]. Значения подобных мнений нельзя недооценивать. Взыскуя правды, мы с легкостью отдаемся на волю старых как мир мифов.

Отмечая выдающуюся роль Петра в строительстве армии и флота европейского образца, нельзя не признать, что это было много проще создания современного общества. Последнее вообще не создается сверху, хотя российские правители то и дело пытались это сделать. Рискованности таких начинаний

словно не замечали. Между тем попытки превращения всего общественного пространства в большую казарму могут вызвать грандиозный бунтарский эффект.

Петр воевал с Западом, используя западные технологии и насаждая западную культуру внутри России. Он особенно упорно учился у шведов, искренне воздав им должное после полтавской победы. Его реформами двигала война. Именно поэтому его нововведения оказались непригодными для мирного реформирования империи.

Сказанное может показаться странным. Между тем весьма показательная ситуация сложилась в области экономики. Как отмечал Ключевский, в результате войны «народнохозяйственная реформа превратилась в финансовую, а успех ею достигнутый, был собственно *финансовый* (выделено мной. — В. Б.), а не народнохозяйственный». Вспоминал в связи с этим Ключевский и выдающегося экономиста И. Т. Посошкова, автора «Книги о скудости и богатстве», наминавшего царю, что нетрудно наполнить казну, но «великое, многотрудное дело народ весь обогатить» [Ключевский, 1989, с. 197].

Казалось бы, кое-что из этого Петр уловил. Ключевский считал, что «в нем впервые блеснула идея народного блага». Так ли это, если, по словам того же автора, после Петра государство стало сильнее, но народ беднее [там же, с. 393, 394]? «Забывать себя» во имя призрачного величия империи народ не мог. И это произошло вопреки тому, что сам Петр непрестанно трудился, работал до мозолей, словно пытаясь своим примером навязать народу неведомую тому мотивацию труда. Некоторые авторы видят в этом протестантское начало [Ахиезер, 2006, с. 107], что вряд ли справедливо. Протестантская этика всё же апеллировала к Богу, напротив, «холопский» труд направлялся к благу Государства. Да и результат хозяйствования Петра обернулся результатами, противоположными западному прогрессу.

Да и хотел ли Петр *западного* прогресса? Во Франции он игнорировал приготовленные для него роскошные апартаменты в Лувре. Во время королевского обеда попросил себе кусок хлеба и репы. Затем попробовал пять или шесть сортов вина и выпил, наконец, два стакана пива [Мезин, 1999, с. 23]. Если он отвергал западную изысканность, то не порождало это желание пойти «своим путем»?

Как бы то ни было, крепостничество, упрочившееся при Петре, не могло стать фундаментом формирования гражданской нации и современной государственности. Упоение военными победами преходяще. С помощью европейского титула невозможно было завоевать уважение западных королей и императоров. Подозрительный взгляд на русских как на «холопов просвещения»

(Ф. И. Тютчев) в сознании Запада утвердился неслучайно. Изнутри тогдашней европоцентристской «мир-системы» Россия виделась именно так. Но стоит ли из-за этого впадать в антизападную подозрительность и молитвенно взывать к великим теням «своего» прошлого?

Сегодня кажется, что подстегнутая Петром экономика переживала неудержимый взлет: выпуск железа вырос в 8 с половиной раз. Если в 1720 году Россия выплавляла 10 тыс. тонн чугуна, а Англия — 17 тыс., то в 1740 году российская металлургическая промышленность произвела 25 тыс. тонн. И тогда избытки железа пришлось экспортировать, причем к выгоде иностранцев. С другой стороны, оборотной стороной протекционистской политики Петра стало установление назойливого контроля над отечественными предпринимателями со стороны Мануфактур- и Берг-коллегий, чьи ревизоры, отмечал Ключевский, отличались «исконной вороватостью». При этом не справившихся с делом заводчиков ждало не банкротство, а конфискация. В общем, предприятия работали на условиях стопроцентного госзаказа — всю их продукцию поглощало государство [Анисимов, 2017, с. 98]. Любую конкуренцию Петр душил. Понятно, что это сдерживало всякую инновационность, кроме совершенствования в жульничестве. Но мог ли «феодальный капитализм» быть конкурентоспособным на международной арене? Итог закономерен: на Запад отправлялось сырье.

Поощряя промышленный прогресс, Петр не хотел чрезмерного обогащения предпринимателей и ввел жесткую норму прибыли — не выше 10%. Результат не замедлил сказаться. Если в 1708 году Строгановы поставили 1,8 млн пудов соли, а казна получила за счет этого 256 тыс. рублей чистого дохода, то доход предпринимателей упал до... 578 рублей! Производительность промыслов за несколько лет упала в пять раз [там же, с. 95, 103]. Нечто подобное произошло и в других отраслях.

Но дело не только в «обиженных» властью деловых людях. Петровская индустриализация обернулась тем, что на заводах стал использоваться труд крепостных крестьян, причем в 1736 году все работные люди были превращены в «вечноотданных» новым хозяевам. Таким образом, по мнению Л. В. Милова, «были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем “варварские” формы феодальной зависимости» [Милов, 2001, с. 522, 526]. Мог ли быть такой труд производительным?

Примечателен еще один момент. И государственное управление, и промышленное производство стали концентрироваться в новой столице, и без того географически отдаленной от центра империи. Европеизированный город стал противостоять российской деревне. Результат известен: со временем

столичный переворот стал насильственно перелицовывать всю «крестьянскую» страну.

Понятно, что Петр хотел создать регулярную государственность. Но вышло совсем не то. Не без оснований говорится о том, что «перед посадкой западных институтов Петр оторвал все корни, что соединяли их с выборным началом, с сословным представительством». В результате «бюрократическая камералистская машина, контролируемая на шведской почве выборными органами снизу и парламентской системой сверху, получила в России никем и ничем не контролируемое развитие». Именно с петровских времен, считает Е. Анисимов, Россией правит бюрократия [Анисимов, 2017, с. 139], вольно или невольно расширяя горизонты коррупции. И здесь уже ничем не поможешь. Не раз Петр поколачивал своего преданного слугу Алексашку Меншикова, что отнюдь не помешало тому стать богатейшим человеком. В 1721 году был устроен суд над сибирским губернатором князем М. П. Гагариным, уличенным в воровстве. Гагарин был казнен перед зданием канцелярий, его тело несколько месяцев болталось на виселице. Тоже не помогло.

Неудивительно, что петровские новации оборачивались вопиющими безобразиями. Так, при проверке подушной переписи было вскрыто полтора миллиона утаенных душ, то есть 27% всего податного населения, а между тем разыскиваемые беглые крестьяне целыми слободами жили на просторных дворах сильных господ в самой столице. В ходе утверждения коррумпировано-бюрократической системы, «неумелым правителям» стали противостоять на местах многочисленные разбойничьи шайки, фактически парализовавшие власть и закон. За формально-правовым фасадом империи скрывались «молчаливая круговая порука беззакония и неспособности» верхов и «безрасчетного отчаяния» низов [Ключевский, 1989, с. 181–182]. Таков результат поспешного увлечения Европой «с финансово-технической, а не с политической и нравственной стороны» [Ключевский, 1968, с. 394].

Неслучайно возникла система тотального политического сыска. Основным предметом ее забот стало «расследование дел о ложных доносчиках и о произнесенных кем-то “непристойных словах”» [Анисимов, 2010, с. 418]. Система словно намеренно плодила своих оппонентов, чтобы неуклонно подавлять их. В известном смысле петровская внутренняя политика вызвала к жизни и Д. И. Фонвизина, и Н. В. Гоголя, да и всю великую русскую литературу «критического реализма».

Попытка создать слой образованных управленцев также провалилась: ни дворяне, ни купцы, ни чиновники не желали отдавать детей в «цифирные» и прочие петровские школы. Результат таков: из 2051 ученика закончили обу-

чение только 302 (14%), 79 недорослей пришлось исключить по неспособности к обучению, 332 сбежали, 131 выпускник так и остался неграмотным [Лиштенан, 2021, с. 313–314]. Власть попросту не сумела объяснить важности обучения, которое к тому же оказалось непродуманным и не приспособленным к нуждам и амбициям обучавшихся. Нетрудно представить, кто и зачем двинулся во власть. Петровскую бюрократию Ключевский сравнивал с «нашествием баскаков, темников, численников». В результате «все понятия об обществе, государстве, народе, семье сгнили в этом разгуле распущенности, безделья и произвола» [Ключевский, 1968, с. 393].

Весьма основательно упрекают Петра в превращении православной церкви в казенное ведомство. Как могло случиться, что этот «глубоко верующий человек», не допуская насмешек над верой, осмелился на упразднение патриаршества? Ничего удивительного: люди в рясах, вся иерархия оставалась для него частью ненавистной старины. Он, как ни парадоксально, путем «огосударствления» церкви стремился к ее активизации. Церковь должна была стать действенным элементом обновления всей русской культуры. Петр неслучайно выделял образованных священнослужителей, способных произносить яркие проповеди, — в основном выходцев из Киево-Могилянской академии [там же, с. 220, 227, 230–232]. Примечательно, что в этом не было склонности ни к униатству, ни к протестантству, Петр оставался непримиримым к старообрядчеству. Вера должна быть государственной, церковь должна заниматься доносительством в видах избавления от ереси, искренне полагал он. Последствия такого реформаторства сказались позднее: синодальная система неуклонно угашала искреннюю веру. А в целом, по словам Ф. М. Достоевского, произошло «задыхание России в тесных петровских рамках» [Достоевский, 1985, с. 268].

Петр неслучайно спешил. В сущности, его деяния годились лишь на *одну войну*. После смерти императора сообщали об упадке военной техники, «о весьма мизерном и сожаления достойном состоянии полков», о бегстве из них офицеров. В наихудшем состоянии оказался флот: в шведскую кампанию 1741 года ни один корабль не смог выйти из гавани, а в 1742 году эскадра не решилась атаковать шведский флот, хотя превосходила его по числу кораблей [Ключевский, 1989, с. 285–286]. Но главное несчастье состояло в невозможности избавиться от крепостного права.

В общем, «модернизационные успехи» Петра больше напоминают «прыжок на месте», совершенный с демонстрационной целью, в порядке исторического самоутверждения. И это сработало, легче жить иллюзиями: Россия поверила в свои потенциальные возможности. Правда, вся мощь этой веры вылилась в поклонение, в преклонение перед преобразующей ролью Государства. Культ

Петра составил интегральную часть нашей «культуобразной» политической культуры. Порой это приобретало немислимые, казалось бы, идолопоклонческие формы. Перефразируя Ключевского, можно сказать, что вместо единодержавия мы всякий раз получали «единорожие» [там же, с. 381]. Последнее, как ни удивительно, и поныне вызывает почтение, причем не только у нас.

Стоит, однако, напомнить: в свое время О. Шпенглер писал, что Петр Великий сделался «злым роком русскости». Основав Петербург, он инициировал процесс втискивания «примитивной русской души вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия» [Шпенглер, 1998, с. 197]. Это вряд ли стоит называть «консервативной модернизацией», что делают некоторые исследователи. Это была *псевдоморфоза* — насильственное нарушение естественного течения исторической жизни.

В свете этого феномена становятся понятны и причины отторжения народа от петровских деяний. И дело не только в упрямых старообрядцах и заскорузлых боярах. Сказались колоссальные жизненные тяготы, придавившие народ во имя неведомой ему цели. Отсюда и домыслы о царе-самозванце, выросшие до сказаний о царе-антихристе. Происхождение их вполне понятно. Правитель, заставлявший бороды брить, платье немецкое носить, табак курить, не мог быть «своим» — его подменили немцы. В свою очередь, для церковной среды царь, повелевший вести летоисчисление не от сотворения мира, а от рождения Христа, а новый год отмечать не 1 сентября, а 1 января, не мог быть православным. Подобные интерпретации деяний Петра, вызывавшие тревожные слухи о гибели благочестия и наступлении последних времен, не могли не породить легенды о царе-антихристе.

Тем не менее дело Петра восторжествовало: сказалось влияние высших классов, приученных к *рациональному* образу мысли. Осталось задуматься лишь о «цене» петровских преобразований. Для Пушкина, который не строил иллюзий на этот счет, Петр всё же был *русской* фигурой *возрожденческого* духа и масштаба Владимира-крестителя. Весьма убедительно пишет об этом В. К. Кантор [Кантор, 2014, с. 67–72]; человеку сугубо западного образа мысли такой подход не вполне понятен.

Примечательно, что вслед за Шпенглером известный финский философ Г. Х. Вригт (по символическому совпадению — шведского происхождения) утверждал, что результатом петровских новаций стало не глубинное преобразование российского общества, а, напротив, возникновение феномена псевдоморфизма — тяжелейшего социокультурного уродства. «История России не полностью синхронизируется с историей Европы, — отмечал он. — Модернизация в России не была результатом органичного совершенствования снизу —

скорее попытками навязать ее сверху незрелому обществу». Петр пожелал пересадить в свою страну знания и практический опыт, не обеспеченные эндогенными потребностями и навыками. Можно назвать петровские реформы «модернизацией без просвещения». «Взгляд на историю России от Петра до Ленина как на псевдоморфоз преждевременной западнизации кажется мне в основном корректным» [Вригт, 2000, с. 99, 247–248], — заключил Вригт.

Хочется напомнить: в 1917 году Петра I не раз называли «первым большевиком», проклиная (позднее — прославляя) его деяния. Характерно, что известный реформатор православной жизни епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) назвал «клеветой на большевиков» утверждения о том, что они якобы «ввели интернационализм в русский обиход»: «...наш Петербург всегда был интернациональным городом, рассадником интернационального “товарищества”, вся старая власть была “антирусская”». Такие представления были весьма распространенными. Миазмы «болотных низов», которые впитал в себя «град Петров», якобы постоянно отравляли российскую действительность. Характерно, что при этом пролетарские поэты вполне по-петровски противопоставляли «старую» и «новую» Россию. «Больше двух столетий основанный на болоте, туманный, чиновный “Питер” был мутным источником, поившим всю необъятную Россию ядом царских “быть по сему”, — писал анонимный большевистский критик. — ...Чиновный Петербург был жандармом “всея Российской империи”». Но всё же у Петербурга, как у Януса, было два лица. «Маска геморроидального зелено-желтого чиновника» — лишь одна из них. А потому в октябре 1917 года «чиновный Петроград превратился в Красную столицу Северной Трудовой Коммуны» [Булдаков, Леонтьева, 2017, с. 139]. Революция смещала и смешивала не только привычные топоры, но и цвета: Ухтомский перешел в старообрядчество.

Конечно, в конвенциональных представлениях о нашей «реформистско-революционной» истории по-прежнему господствуют эмоции. И потому через три столетия после Петра мы всё еще травмированы — то ли самим Петром, то ли петровскими замашками, проглядывающими сквозь его и наши «модернизационные» достижения.

Так что же мы отмечаем, чем гордимся: умением ломать самих себя с помощью революций, а затем выдавать желаемое за действительное? Разве не так было после 1917 года? Так стоит ли безоговорочно превозносить Петра?

Вероятно, тени великих личностей сами по себе порождают стремление делать из нужды добродетель, превращать провалы истории в пики достижений. Даже Ключевский договорился (пусть в дневнике) до утверждения: «Петр — деспот, своей деятельностью разрушил деспотизм, подготавливая сво-

боду своим обдуманым произволом, как его преемники своим либеральным самодержавием укрепляли народное бесправие» [Ключевский, 1968, с. 388]. Звучит очень современно. Что же делать потомкам Петра Великого: неистовствовать в насилии, навязывать благодушный оптимизм, вязнуть в бесправии ради приближения светлого будущего?

Исследователь не должен поддаваться иллюзиям. На мой взгляд, наиболее интересно воспользовался подходом Шпенглера к российской истории известный своим когнитивным бесстрашием философ Сергей Королев. Он, по существу, представил *псевдоморфной* — ненатуральной, противоестественной — всю историю России. Ключевыми псевдоморфозами, иллюстрирующими особый тип российского развития, были: призвание варягов и христианизация, монгольское завоевание, петровские преобразования, большевистский переворот, события 1990-х годов [Королев, 2017, с. 74]. Я не соглашался со своим покойным другом — по крайней мере, применительно к допетровскому периоду российской истории.

Мы живем в мире спутанного воображения и необузданных эмоций. На оценках петровских реформ сказываются и мирное обаяние науки и технологий, и воинственная мощь «дурной» российской энергетики, и притяжение всемирных утопий. В сущности, из сплетения наших мыслей и фантазий, образов и химер воображения, любви и ненависти всякий раз возникает идеализированный образ реальной исторической фигуры. Между тем, как считал Ж.-Ж. Руссо, «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения» [Мезин, 1999, с. 11]. По мнению Ключевского, «Петр I делал историю, но не понимал ее» [Ключевский, 1968, с. 353]. А мы понимаем, поклоняясь великой тени?

Всю историю, всякое развитие — не только российское — можно представить в виде череды заимствований «извне», причем не только благостных по формам внедрения. Другое дело — российские системные кризисы, которые не всегда и, главное, не в полном объеме соответствуют феномену псевдоморфности. Кризисы могут быть вполне эндогенными, что, однако, облегчает поглощение экзогенных идей, теорий, концептов. Конечно, в случае с «большевизмом» Петра и большевизмом Ленина мы действительно имеем дело с грандиозной псевдоморфозой. Но как это сказалось на последующей истории России/СССР?

Ключевский как-то заметил: «Петербургом Петр зажал Россию в финском болоте, и она страшными усилиями выбивалась из него и потому утрамбовывала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петропавловскую крепость — гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам» [там же, с. 392]. Нечто подобное характерно и для сталинской

индустриализации. Но насколько прочными *изнутри* оказались деяния, осуществленные не для народа, а для государства?

Очень многие не без оснований считают, что насаждение современной «западной» модели образования «петровскими» методами произведет антимодернизационный эффект. Да, «племя незнакомое» превращается в недорослей. В этом смысле мы также воспроизводим последствия «западничества» Петра. Модернизацию нельзя подменить имитацией, симулякры не выживают в «природной» среде. Но наши «прогрессивные» эмоции с этим не считаются.

«Неудачливое самодержавие перестает быть законным, — заметил как-то Ключевский. — В этом смысле единственным самодержцем в нашей истории был Петр Великий» [там же, с. 396]. И похоже, мы до сих пор ищем «настоящего» самодержца — на сей раз не только просвещенного, но и демократичного. А Россия по-прежнему остается зыбким «Петра твореньем». Однако не стало ли это анахронизмом?

Итак, о чем мы вспоминаем через 350 лет в связи появления на свет Петра I? Сравниваем его с последующими правителями? Надеемся на «чудо власти»? Грезим о возрождении империи?

На мой взгляд, стоит помнить только об одном: Петр I трудился как никто и мечтал, чтобы так действовали все. Но еще важнее определиться с целью и путями ее достижения. Те ценности и методы ее воплощения, на которые ориентировался Петр, сегодня мало кого могут увлечь.

Список источников

Анисимов Е. В. Держава и топор: Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 2010. 424 с.

Анисимов Е. В. Петр Первый: благо или зло для России? М.: НЛО, 2017. 272 с.

Ахиезер А. С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006. 479 с.

Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: Историческая литература, 2017. 624 с.

Вригт фон Г. Х. Три мыслителя. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 2000. 254 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 21. Письма, 1860–1868. 616 с.

Кантор В. К. Русская классика, или Бытие России. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 600 с.

Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 526 с.

Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. Курс русской истории, ч. 4. 398 с.

Королев С. А. Метаморфозы власти. Опыты по микроистории: философские аспекты. М.: Весь мир, 2017. 656 с.

Лиштенант Ф.-Д. Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи. М.: Политическая энциклопедия; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 567 с.

Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 214 с.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 572 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1962. Кн. 7. 726 с.

Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина. 2005. № 2. С. 61–67.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. 606 с.

References

Akhiezer, A.S. (2006) *Trudy [Works]*. Moscow: Novyi khronograf Publ.

Anisimov, E.V. (2010) *Derzhava i topor: Tsarskaya vlast', politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke [The Power and the Axe: Tsarist Power, Political Investigation and Russian Society in the 18th Century]*. Moscow: NLO Publ.

Anisimov, E.V. (2017) *Petr Pervyi: blago ili zlo dlya Rossii? [Peter the Great: Good or Evil for Russia?]*. Moscow: NLO Publ.

Buldakov, V.P., Leont'eva, T.G. (2017) *1917 god. Elity i tolpy: kul'turnye landshafty russkoi revolyutsii [1917. Elites and Crowds: Cultural Landscapes of the Russian Revolution]*. Moscow: Istoricheskaya literature Publ.

Dostoevskii, F.M. (1985) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 21: Pis'ma, 1860–1868 [Complete Works: in 30 vols. Vol. 21: Letters, 1860–1868]*. Leningrad: Nauka Publ.

Kantor, V.K. (2014) *Russkaya klassika, ili Bytie Rossii [Russian Classics, or the Existence of Russia]*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga.

Klyuchevskii, V.O. (1968) *Pis'ma. Dnevnik. Aforizmy i mysli ob istorii [Letters. Diaries. Aphorisms and Thoughts about History]*. Moscow: Nauka Publ.

Klyuchevskii, V.O. (1989) *Sochineniya: v 9 tomakh. Tom 4: Kurs russkoi istorii, chast' 4 [Essays: in 9 vols. Vol. 4: Course of Russian history, part 4]*. Moscow: Mysl' Publ.

Korolev, S.A. (2017) *Metamorfozy vlasti. Opyty po mikroistorii: filosofskie aspekty* [Metamorphoses of Power. Experiments on Microhistory: Philosophical Aspects]. Moscow: Ves' mir Publ.

Lishtenan, F.-D. (2021) *Petr Velikii. Okno v Evropu. Rozhdenie Rossiiskoi imperii* [Peter the Great. A Window to Europe. The Birth of the Russian Empire]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Mezin, S.A. (1999) *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta.

Milov, L.V. (2001) *Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN Publ.

Solov'ev, S.M. (1962) *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 15 knigakh. Kniga 7* [The History of Russia since Ancient Times: in 15 books. Book 7]. Moscow: Sotsekgiz Publ.

Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 2: Vse-mirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. Vol. 2: World-historical Perspectives]. Moscow: Mysl' Publ.

Usenko, O.G. (2005) 'Sumasbrodneishii sobor' ['The Craziest Cathedral'], *Rodina*, 2, pp. 61–67.

Vrigt, G.Kh. fon (2000) *Tri myslitelya* [Three Thinkers]. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr Blits.

Информация об авторе: В. П. Булдаков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Адрес: Российская Федерация, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

Information about the author: V. P. Buldakov — DSc in History, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Address: 19 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022;
принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.03.2022;
approved after reviewing 02.05.2022;
accepted for publication 03.06.2022.